

Е.В.Крикливец

ПОВЕСТЬ В РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ПРОЗЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ

Выявлены типологические особенности жанрово-стилевой модификации повести в русской и белорусской прозе второй половины XX века. Эволюция повести отражает основные векторы развития литературного процесса исследуемого периода, демонстрирует его общие закономерности и национальную специфику. Жанр повести обладает когнитивной и коммуникативной мобильностью при сохранении канонической структуры. Изучение жанровой модификации повести дало возможность проследить преемственность литературной традиции, а также зарождение и формирование новых эстетических методов и приемов на основе накопленного художественного опыта. Актуальность данного научного исследования связана с масштабностью эмпирического материала, его репрезентативными возможностями. Для анализа привлекаются произведения прозаиков второй половины двадцатого столетия, принадлежащих к одному поколению, но усвоивших элементы разных художественных парадигм: нормативной эстетики, социально-психологического реализма, модернизма, постмодернизма. Сопоставительный ракурс исследования позволил сделать вывод о взаимосвязях близкородственных литератур, их общих и особых чертах в отражении мира и человека.

Ключевые слова: русская литература, белорусская литература, жанр, повесть, сравнительный анализ

Сравнительное изучение литератур — одно из приоритетных направлений современной филологии. Данный подход позволяет выявить творческую неповторимость произведения и национальную традицию посредством раскрытия литературных и социокультурных связей, формирует открытость сознания к восприятию и критической интерпретации инонациональных культурных смыслов.

Научная идея нашего исследования состоит в сопоставительном изучении близкородственных литератур в рамках одного социального и культурного периода. Эффективность сравнительного анализа русской и белорусской прозы второй половины XX века заключается в том, что подобный ракурс исследования позволил проследить смену художественных парадигм (от соцреализма к реализму и модернизму), выявить причины и специфику жанрово-стилевой модификации повести как одного из ключевых жанров в литературе обозначенного периода, раскрыть особенности взаимовлияния и рецепции эстетических явлений в национальных литературах.

Методологическую базу исследования составили как достижения жанрологии прошлого века, так и результаты, к которым пришли современные российские и белорусские литературоведы, работающие в данной области: Н.Л.Лейдерман [1], Л.В.Чернец [2], Н.Д.Тамарченко [3], В.М.Головко [4], Г.Л.Нефагина [5], Л.Д.Синькова [6] и др.

Повесть в своем современном виде сформировалась в русской и белорусской литературах в первой половине XIX века. Этот жанр, по сути, не имеет аналогов в западноевропейской беллетристике (в связи с чем отсутствует и адекватный перевод термина). Только на рубеже XX—XXI веков повесть стала явлением всего мирового литературного процесса, что свидетельствует о перспективности жанра и о его широких возможностях.

Вторая половина XX века весьма показательна с точки зрения жанрово-стилевой модификации повести. Это объясняется рядом причин. В обозначенный период времени реалистическая парадигма претерпевает очевидную эволюцию. В середине 1950-х — 1960-е годы в творчестве представителей «военной» и «деревенской» прозы намечаются тенденции к выходу за рамки соцреалистической эстетики (игнорирование требований нормативной литературы) и возвращению в русло классического реалистического искусства. Динамика художественной парадигмы обусловлена изменением философской парадигмы «человек—мир», зарождением новой «идеи человека». Человек перестает осмысливаться только как средство общественных преобразований. Актуальным становится вопрос о самоидентификации личности, для белорусской литературы это еще и вопрос о национальной самоидентичности. В литературе появляются попытки постичь сущность национального (а не советского) характера, выявить внутреннюю, психологическую детерминацию личности, акцентировать внимание на морально-этической проблематике.

Переходом от идеологически ангажированного письма к психологизации прозы объясняется интенсификация жанра повести в русской и белорусской литературах второй половины XX века. В творчестве В.Распутина, Г.Бакланова, Ю.Трифонова, В.Тендрякова, В.Быкова, И.Пташникова, В.Карамазова, Б.Саченко и др. повесть занимает ведущее место. Проблемное поле реалистической повести предполагает освещение духовной эволюции героя на фоне «микросреды», в контексте его ближайшего окружения. При этом в лучших образцах жанра «микросреда» выступает моделью «макромира», становится средством раскрытия различных аспектов общественных отношений, общественного сознания, формой выражения мировосприятия, присущего эпохе. Таким образом, жанр повести, с одной стороны, позволил писателям уйти от избыточной заостренности социальной проблематики в сферу межличностных взаимоотношений, психологического анализа характеров; с другой стороны — помог через «частное» выразить определенные конфликты и противоречия эпохи.

Апелляция к общечеловеческим нравственным и культурным ценностям способствовала формированию особого типа художественного мышления. В русской и белорусской прозе 1970-х — 1980-х годов происходит активизация мифопоэтических архетипов, наблюдается синтез с элементами романтической, модернистской эстетики, что можно проследить в повестях В. Катаева, Ф. Искандера, А. Кима, В. Козько, В. Короткевича, Я. Сипакова, А. Боровского и др. Мифопоэтизм характеризуется укорененностью в универсальных гуманистических константах национальной специфики (что особенно характерно для белорусской литературы). Поэтика таких произведений отражает предчувствие новой художественной системы.

Развитие русской и белорусской литературы в 1980-е — 1990-е годы, с одной стороны, отражает завершение определённого социокультурного этапа, с другой — свидетельствует о начале нового исторического и культурного цикла (что подтверждает переходный характер повестей Ю. Мамлеева, Л. Петрушевской, А. Курчаткина, А. Глобуса, О. Минкина, В. Гигевича, Ю. Станкевича и др.). Примечательно, что жанр повести, претерпевая различные модификации, удовлетворяет эстетические потребности как классической, так и неклассической художественной парадигмы. Взаимодействуя с иными жанровыми структурами, повесть осваивает новые познавательные формы, отражает усложнившиеся отношения между человеком и миром, сохраняя при этом свою каноническую завершенность.

Оговоримся, что фокус исследовательского внимания в настоящей работе будет сосредоточен на морфологических и семантических изменениях повести в стилевом поле реализма и модернизма. Это связано, в первую очередь, с тем, что русский и белорусский постмодернизм — явление нелинейного характера, эклектичное с точки зрения эстетики, представляющее собой взаимодействие (а нередко — пародийную деконструкцию) различных художественных элементов: соцреализма, натурализма, авангарда, экзистенциальной прозы, карнавалов традиций и др. Перечисленные особенности постмодернизма приводят к размыванию границ целостных эстетических явлений, затрудняют само атрибутирование жанра, следовательно, требуют иных подходов к типологическому изучению проблемы жанрово-стилевой динамики.

Очевидно, что исследование жанровой модификации повести позволяет проследить преемственность литературной традиции, процесс зарождения и формирования новых эстетических методов и приемов на основе накопленного художественного опыта.

Повесть понимается нами как эпический жанр, для которого характерен индуктивный способ постижения действительности. Определенный аспект отношений человека и мира становится в повести метонимией социального или нравственного мироустройства эпохи. Этим объясняется особое соотношение субъективного и объективного начал повести.

Трансформация жанровых форм подчинена социально-историческим изменениям и связанным с ними переменам в общественном сознании. Мобильность жанра является необходимым условием для его существования, в противном случае, он становится «памятником» определенной культурно-исторической эпохе.

Во второй половине XX века жанр повести, попадая в стилевое поле соцреализма, реализма, модернизма претерпевает трансформацию, обусловленную когнитивными и коммуникативными задачами и потребностями времени, сохраняя при этом свою каноническую завершенность, что обеспечивает преемственность традиций. Кроме того, на эволюцию жанра влияют индивидуально-авторские поиски.

Семантическая трансформация русской и белорусской реалистической повести второй половины XX века была обусловлена изменением авторских подходов к художественному осмыслению действительности и, прежде всего, концепции личности, воплощающей эту действительность. Схематизм идеологической и производственной прозы, направленный на изображение «советской сверхличности»: строителя коммунизма, героя, стахановца сменяется попыткой изображения реального человека в сложной жизненной ситуации. Тенденция наметилась уже в 1950-е — 1960-е годы и привела к активизации жанровой разновидности *лирико-психологической повести* (В. Астафьев «Звездопад», «Последний поклон», «Пастух и пастушка»; Ю. Бондарев «Батальоны просят огня», «Последние залпы»; Г. Бакланов «Ожнее главного удара», «Пядь земли», «Мертвые сраму не имут»; Б. Васильев «А зори здесь тихие»; К. Воробьев «Крик», «Убиты под Москвой»; В. Солоухин «Владимирские проселки»; В. Быков «Жураўліны крык», «Трэцяя ракета», «Альпійская балада», «Здрада»; А. Василевич «Шляхі-дарогі»; А. Осипенко «Паплавы», «Абжыты кут»; И. Пташников «Чачык», «Не па дарозе»; И. Шамякин «Непаўторная вясна», «Начныя зарніцы», «Агонь і снег», «Пошукі сустрэчы», «Мост» и др.), в центре внимания которой оказались движения души героя, его внутренние переживания. Происходит психологизация конфликта, трансформация его из внешнего во внутренний.

В 1970-е годы появляются повести, написанные в духе «жесточкого реализма», в них усилены апокалипсические мотивы отчаяния и смерти. Это подтолкнуло и русских, и белорусских прозаиков к осмыслению экзистенциальных категорий, в результате чего произошли смена лирической доминанты на экзистенциальную, закономерная актуализация *нравственно-философской повести* (Ф. Абрамов «Пелагея», «Алька»; В. Кондратьев «Сашка»; В. Распутин «Последний срок», «Прощание с Матерой», «Пожар»; В. Быков «Дажыць да світання», «Пайсці і не вярнуцца», «Сотнікаў», «Сцюжа», «Воўчая згряя»; А. Жук «Холодная птушка»; В. Карамазов «Дзень Барыса і Глеба», «Бярозавыя венікі»; В. Козько «Цвіце на Палессі груша»; А. Кудравец «Раданіца», «Пахахуцікі»; Б. Саченко «Ваўчыца з Чортавай ямы» и др.).

Отметим, что реализация нравственно-философской повести в контексте «деревенской прозы» связана с возникновением особого, утопического, дискурса, в рамках которого профанному настоящему противопоставляется идеальное прошлое.

Необходимостью формирования аксиологических ориентиров, которые пришли бы на смену утратившим значение идеологическим, обусловлена востребованность в последней трети XX века жанровой разновидности *социально-психологической повести* как в реалистической, так и в модернистской парадигмах. Одним из ключевых вопросов, поднимающихся в социально-психологической повести, становится вопрос о выборе человека — противостоять социально-историческим обстоятельствам или приспособляться к ним, идя на компромисс с совестью (В.Тендряков «Ночь после выпуска», «Хлеб для собаки», «Шестьдесят свечей», «Затмение», «Расплата»; Ю.Трифонов «Обмен», «Предварительные итоги», «Долгое прощание», «Другая жизнь», «Дом на набережной»; В.Быков «Пакахай мяне, салдацік»; А.Жук «Не забывай мяне»; А.Карпюк «Сучасны канфлікт»; А.Осипенко «Клетка для берасцянікі», «Выканаўца»; И.Шамякин «Сатанінскі тур», «Пазденне», «Без пакаяння», «Выкармак», «Драма», «Аповесці Івана Андрэвіча», «Адна на падмостках», «Ахвяры» и др.).

Субъектная организация реалистической повести второй половины XX века характеризуется преобладанием рефлексивной субъективности. Прозаики активно используют автобиографический, жизненный материал, как бы опредмечивая в произведении свое сознание. Этим объясняется преобладание диететического типа нарратора в большинстве повестей. Национальной спецификой белорусской социально-психологической повести, изображающей военное детство, можно считать феномен «двойного видения», заключающийся во временной и возрастной разнице повествующего и повествуемого «я» диететического нарратора.

Типология героев, которая сформировалась в русской и белорусской реалистической повести второй половины XX века, отражает эволюцию «идеи человека» в контексте данного социокультурного периода. Герой *лирико-психологической и нравственно-философской* военной повести — это *герой в ситуации нравственного выбора (пограничной ситуации), итогом которого становятся духовная победа («экзистенциальное пробуждение») или духовная гибель героя.*

Галерея образов «деревенской прозы» представляет собой стремление и русских, и белорусских писателей постичь амбивалентную сущность национального характера. В лирико-психологической повести намечилось, а в нравственно-философской — завершилось формирование двух ключевых типов героев: *намеренно или в связи с жизненными обстоятельствами разрывающих (утрачивающих) связь с корнями, с малой родиной* и в большинстве случаев утрачивающих вместе с тем и нравственные основы (доминируют в русской прозе); и, напротив, *аккумулирующих, сохраняющих или восстанавливающих память о прежних обычаях, традициях, морально-этических устоях* (преобладают в белорусской прозе).

Не случайно фабульная канва многих произведений соотносится с евангельской притчей о блудном сыне. Развитие данного сюжета в русской и белорусской повести имеет свою специфику. Так, русские прозаики скорбят о невозможности возвращения, об утрате прежних нравственных основ и идеалов. В их повестях усугубляются апокалипсические мотивы, появляются элементы антиутопии. Белорусские авторы осознают необходимость сохранения основ народной нравственности и культуры как условия национального возрождения, обретения не только личной, но и национальной идентичности, а потому не отказываются «блудному сыну» в возможности возвращения.

В ряде повестей появляются образы героев, семантика которых тяготеет к элементам *шутовства или юродства* (интерпретация образа «маленького человека»). Наличие в русских и белорусских повестях героев такого типа свидетельствует о становлении, эволюции и разрушении утопического дискурса и смене его антиутопическим.

Система персонажей русской и белорусской *социально-психологической повести* в стилевом поле реализма свидетельствует об окончательном завершении смены концепции личности в последние десятилетия XX века и о начале формирования новых социальных и онтологических представлений. Писатели исследуют психологию людей, переживших культ личности: в произведениях изображается *герой, конфликтующий со своим внутренним «я», но идущий на компромисс с совестью; герой — «продукт» эпохи, не способный к совершению самостоятельного нравственного выбора и не имеющий (утративший) личностное начало; герой-приспособленец, предпочитающий материальные ценности духовным; герой без моральных ориентиров, человек деградирующий.*

«Военная проза» обращается к художественному осмыслению ранее не вполне раскрытой психологической проблематики: появляются образы *невоенного человека на войне*, образы «детей войны», образы *фашистов (психология «чужого»)*, анализу подвергается психология *солдата на «новой войне»* (в зоне «локальных конфликтов»).

Стилевая эволюция русской и белорусской реалистической повести второй половины XX века определяется процессом преодоления, как русскими, так и белорусскими прозаиками канонов соцреалистической эстетики и переходом в русло социально-психологического реализма. На переходном этапе продуктивным оказался синтез реалистической парадигмы с элементами сентиментализма, романтизма и экзистенциализма, использование неомифологических приемов моделирования реальности (*лирико-психологическая повесть*). Творческие поиски привели, с одной стороны, к активизации аналитического, интеллектуального начала в прозе, к окончательному возвращению к реалистической эстетике (*социально-психологическая повесть*); с другой — вторичная художественная условность, характерная для *нравственно-философской повести*, в белорусской прозе 1980-х годов становится стилевой доминантой, что обусловило активную интеграцию художественных парадигм реализма и модернизма.

Освоение неклассической эстетики в русской и белорусской прозе второй половины XX века порождает значительную трансформацию *социально-психологической повести*, актуализацию жанровых разновидностей *повести-антиутопии* и *повести-притчи*, в которых читатель, декодируя аллегорические образы, узнавал картину привычного ему социума.

Серьезные изменения *семантической составляющей* повести в контексте модернистской парадигмы произошли на уровне жанрового содержания произведений. Это связано с активным использованием как русскими, так и белорусскими прозаиками новых способов художественного миромоделирования — фантастических, гротескных, неомифологических, что привело к модификации *социально-психологической повести* (А.Дмитриев «Воскобоев и Елизавета»; С.Каледин «Смирненное кладбище»; М.Кураев «Ночной дозор», «Капитан Дикштейн»; В.Маканин «Голоса», «Антилидер», «Человек свиты», «Один и одна», «Предтеча», «Где сходилось небо с холмами»; М.Палей «Евгеша и Аннушка»; Л.Петрушевская «Время ночь»; Ю.Поляков «Сто дней до приказа», «ЧП районного масштаба», «Работа над ошибками», «Апофегей»; В.Мудров «Гісторыя аднаго злачынства»; Ю.Станкевич «Рыфма»; А.Федоренко «Вёска» «Нічые» и др.).

Осмыслить опыт тоталитарной государственности в аллегорическом ключе позволила *повесть-антиутопия* (А.Кабаков «Невозвращенец»; А.Курчаткин «Записки экстремиста»; В.Маканин «Лаз»; Л.Петрушевская «Новые Робинзоны»; В.Рыбаков «Первый день спасения»; А.Адамович «Последняя пастораль»; В.Гигевич «КарABELь» и др.). Антиутопия преобладает в русской прозе и во второй половине XX века актуализирует такие разновидности как *политическая, идеологическая, социально-психологическая, технократическая антиутопия*. Появляется новая разновидность антиутопии — *семейная*.

В белорусской прозе наибольшее распространение получила *повесть-притча* (А.Боровский «Ахутавана», «Княжбор», «Пякельны рай»; В.Быков «Ваўчыная яма»; В.Козько «Выратуй і памілуй нас, чорны бусел», «Час збіраць косці», «І нікога, хто ўбачыць мой страх», «Прахожы»; А.Мосаренко «Лесавікі»; А.Наварич «Цкаванне вялікага звера» и др.), представленная несколькими инвариантами. Это собственно *повесть-притча*, приобретающая в исследуемый период времени (в отличие от евангельских притч) социальное звучание, нередко ассимилирующая элементы антиутопии. «*Прыпавесць*» — специфический белорусская модификация притчи, представляющая собой синтез народной (национальной) и индивидуально-авторской философии. Форма «прыпавесці» направлена на осмысление экзистенциальной проблематики через призму национальной самоидентификации. *Публицистическая проповедь* — обусловлена необходимостью исследования морально-этической сферы социума. *Парабола* — инвариант притчи, допускающий множественность интерпретаций.

Стилевое поле модернизма обуславливает изменения в субъектной организации социально-психологической повести: происходит последовательная замена автобиографического диегетического нарратора автодиегетическим; наблюдается увеличение пространственно-временной дистанции между повествующим и повествуемым «я», достигаемое посредством ретроспекции и помещения повествующего и повествуемого «я» в разные временные планы. Наличие двух временных планов повествования (прошлое и настоящее) приводит к смене внешней и внутренней фокализации, когда герой-рассказчик выступает в двух ипостасях: то как субъект повествования, то как его объект. Доминирование автодиегетического нарратива — характерная особенность и повести-антиутопии, в которой повествователь, как правило, изображен эксплицитно, является и очевидцем, и участником событий. Повесть-притча, апеллирующая к фольклорно-мифологическим традициям, возрождает сказовый тип нарратора.

Типология героев модернистской повести отражает попытку авторов взглянуть на события недавней истории не через призму идеологической ангажированности, а с целью осмысления индивидуальной человеческой судьбы в контексте этих событий. В *социально-психологической повести* появляются специфические варианты литературного типа «*маленького человека*»: «*песчинка истории*», *антилидер*, *человек свиты*, *герой-исполнитель*, *обитатель социального «дна»*, *трикстер*. В отличие от реалистической прозы, человек в авангардистской эстетике исследуется в общегуманистическом (а не в социальном) ракурсе.

Повесть-антиутопия актуализирует образы героев, обеспечивающих сбой ритуализированной социальной системы. Это герои с визуализированной инаковостью: *имеющие физические или умственные отклонения, но наполненные духовно*. Характерная для антиутопии антиномия реального и альтернативного миров обусловила появление в ряде повестей образа *героя-медиатора*, взаимодействующего с противоположными «полюсами» художественной модели мира. Такой герой демонстрирует условность социальных и культурных оппозиций, полярности мира, объединяющее значение общечеловеческих ценностей. В *повести-притче* складывается галерея образов «*бывших людей*» (характерны для белорусской литературы), потерявших в настоящем времени, утративших связь с собой прежними, с памятью о прошлом. В русской прозе находит воплощение образ *юродивого*, вставшего на путь добровольного исхода из социума, самоотречения ради возвращения к своей человеческой сущности.

Основные стиливые изменения повести происходят на стыке художественных систем — реализма и модернизма, реализма и постмодернизма. Эстетические новообразования включают в себя корпус произведений, написанных в духе *экзистенциального реализма*, и произведения, в которых происходит рецепция традиций *карнавальной литературы*. В зависимости от доминирующего типа вторичной художественной условности и доминирующего художественного приема, используемых в произведении, можно выделить следующие пути обогащения реалистической эстетики средствами неклассической

художественности: актуализация *сюрреалистической эстетики*; синтез *реалистического и фантастического* (при этом следует различать фантастическую условность как прием и фантастический метод художественного миромоделирования); *обращение к фольклорно-мифологическим мотивам*, мифологическим способам познания мира. Русский модернизм представляется наиболее целостным художественным явлением, сформировавшим внутри себя ряд стилевых течений. Отличительная черта белорусского модернизма — ярко выраженная фольклорно-мифологическая основа, которая обусловила преобладание в белорусской прозе второй половины XX века аутентичных элементов, составивших национальную специфику белорусской литературы.

Таким образом, способность повести к видовым взаимодействиям, к стилистической трансформации, к расширению проблемно-тематического спектра, к универсализации эстетической системы определяет актуальность и перспективность изучения жанра на современном этапе развития филологической науки. При этом особенно продуктивным представляется жанрово-стилевой подход к определению жанровых разновидностей повести, позволяющий учитывать и тематическую детерминацию, и жанровую доминанту, и стилевые особенности повести в их развитии.

1. Лейдерман Н.Л. Движение времени и законы жанра: жанровые закономерности развития советской прозы в 60—70-е гг. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. 254 с.
2. Чернец Л.В. Литературные жанры: Проблемы типологии и поэтики. М.: Издательство МГУ, 1982. 192 с.
3. Тамарченко Н.Д. Русская повесть Серебряного века: проблемы поэтики сюжета и жанра. М.: Intrada, 2007. 256 с.
4. Головкин В.М. Историческая поэтика русской классической повести. М.: Флинта, 2010. 274 с.
5. Нефагина Г.Л. Русская проза второй половины 80-х — начала 90-х годов XX века. Минск: НПЖ «Финансы, учет, аудит», «Экономпресс», 1997. 231 с.
6. Корань Л.Д. Белорусская проза XX стагоддзя: дынаміка жанравых структур. Мінск: ВПП «Новік», 1996. 158 с.

References

1. Leyderman N.L. Dvizhenie vremeni i zakony zhanra: zhanrovye zakonomernosti razvitiya sovetskoy prozy v 60—70-e gg. [The movement of time and the laws of the genre: the genre patterns of development of Soviet prose in the 60—70-s]. Sverdlovsk, 1982. 254 p.
2. Chernets L.V. Literaturnye zhanry: Problemy tipologii i poetiki [Literary genres: Problems of typology and poetics]. Moscow, 1982. 192 p.
3. Tamarchenko N.D. Russkaya povest' Serebryanogo veka: problemy poetiki syuzheta i zhanra [Russian story of the Silver Age: problems of poetics of the plot and genre]. Moscow, 2007. 256 p.
4. Golovko V.M. Istoricheskaya poetika russkoy klassicheskoy povesti [Historical poetics of the Russian classic story]. Moscow, 2010. 274 p.
5. Nefagina G.L. Russkaya proza vtoroy poloviny 80-kh — nachala 90-kh godov XX veka [Russian prose of the second half of the 80's — early 90's of the XXth century]. Minsk, 1997. 231 p.
6. Koran' L.D. Belaruskaya proza XX stagoddzya: dynamika zhanravykh struktur [Belarusian prose of the XXth century: dynamics of genre structures]. Minsk, 1996. 158 p.

Kriklivets E.V. The novel in the Russian and Belarusian prose in the second half of the 20th century: the experience of comparative study. The article reveals the typological features of the genre-style modification of the novel in Russian and Belarusian prose in the second half of the twentieth century. The evolution of the novel reflects the main vectors in the development of the literary process of the studied period and demonstrates its general patterns and national specifics. The genre of the novel has cognitive and communicative mobility while maintaining the canonical structure. The study of the genre modification of the novel made it possible to trace the continuity of the literary tradition as well as the emergence and formation of new aesthetic methods and techniques based on the accumulated artistic experience. The relevance of this research is determined by the scale of the empirical material and its representative capabilities. The works of prosaists of the second half of the twentieth century belonging to one generation but assimilating elements of different artistic paradigms (normative aesthetics, socio-psychological realism, modernism and postmodernism) are taken for the analysis. The comparative perspective of the study led to the conclusion about the interrelations of closely related literatures, their general and specific features in the reflection of the world and man.

Keywords: Russian literature, Belarusian literature, genre, novel, comparative analysis.

Сведения об авторе. Елена Владимировна Крикливец — кандидат филологических наук, доцент; Витебский государственный университет имени П.М.Машерова, филологический факультет, заведующий кафедрой литературы; kriklivec@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.11.2019. Принята к публикации 30.11.2019.